

СЕРГЕЙ НИЛУС

**СИЛА БОЖИЯ
И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ**

Сергей Александрович Нилус
Сила Божия и
немошь человеческая
Серия «Русская классика (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17182244

Сила Божия и немошь человеческая : Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-84563-7

Аннотация

«Сила Божия и немошь человеческая» – это жизнеописание игумена Феодосия (Попова), собранное по материалам монастырского архива, во времена расцвета Оптинского монастыря и великих старцев – преподобных Макария и Амвросия. В книгу также включены восемь историй: «Самоотверженная Игумения», «Несчастный», «Из Мира Божественной Тайны», «Свидетельство Живой Веры», «Христос Воскресе!», «Вражья Сила», «Марко Фраческий», «Повесть о Пяточисленных Молитвах».

Содержание

Необходимое предисловие	5
Часть первая	9
Предисловие	9
Записки игумена Феодосия о своей жизни	15
I	15
II	19
III	24
IV	28
V	30
VI	36
VII	40
VIII	46
IX	49
X	51
XI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Сергей
Александрович Нилус
Сила Божия и
немоощь человеческая**

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2016

Необходимое предисловие Господи, благослови!

Выпуская в свет ряд очерков из жизни близких к нам по времени православных христиан, но таких — увы! — далеких по духу для большинства моих современников, я долгом своим почитаю, прежде всего, предварить моего боголюбивого читателя о том, что все написанное в них одна сущая правда, в которую лично я верю всем сердцем моим, всем умом, всем помышлением, и без этой веры моей, за которую готов постоять до последней минуты моей жизни, я не позволил бы себе требовать от читателя моего внимания к малому труду моему из страха грядущего Страшного суда Господня, на котором каждый христианин, а в их числе и моя христианская немощь, должен неизбежно или оправдаться от слов своих, или осудиться; и от этого страшного осуждения да избавит меня Господь!

Непрестанно сокрушаясь о всеобщем, казалось мне, оскудении веры в христианском мире, сердцем своим с великой горечью и болью отзываясь на установившееся в мировой христианской жизни зло братоненавидения и человеконенавистничества, видя, как христианский мир заливается кровью войн и уوبيц, с ужасом обращая свой испуганный взгляд на богоотступничество цвета русского общества, при-

званного стоять во главе умственного и нравственного развития истерзанной и окровавленной Родины, этой Богом поставленной хранительницы православного духа, я, признаюсь, в законном ослеплении своем, был уверен, что угас уже истинный дух Православия в России, оскудел преподобный¹, не стало праведника, и, стало быть, неизбежна для нее, а с нею, по слову великих русских подвижников духа, и для всего богоотступнического мира участь библейских Содома и Гоморры. Окружающая меня и всякого верующего христианина грозная действительность не давала ли мне права питать эти мысли?!..

Но в глубинах народного сердца, зримых одному Богу, еще недавно жила такая полнота и сила духа Христова, так близка была еще недавно к Богу живая вера русского человека, что не могло мое сердце мириться со страшной и братоубийственной мыслью: нет в России семи тысяч, которых соблюл бы Себе Господь и которые еще не подклонили выи своей Ваалу... И я искал их всем сердцем своим, всем мышлением моим, и, видит Бог, нашел, но не там. Где светит кровавый свет мира сего, не на высотах человеческого разума, а в тайниках сокровенных народного сердца, в среде тех немудрых мира, которых от века избрал Себе Бог, чтобы посрамить мудрых, чью немощь Он предопределил, чтобы посрамить сильных, чья слава и проповедь делом Христовой любви и самоотвержения заключены не в убедительных сло-

¹ Пс. 11, 2.

вах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, данных им для того, чтобы, по слову апостола, вера наша утвердилась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. И многих рабов Своих нелицемерных и истинных показал мне, ищущему, Господь, и во главе их под перо мое просится одно великое для Православной и самодержавной России имя, к которому с трепетной надеждой и верой обращены взоры всех истинно русских людей и от кого, после Бога, они ждут своего спасения. Но о живых праведниках, какое бы они место в мире ни занимали, от самого великого до самого низкого, — не леть ми и глаголати², и потому до времени сохраним имена их только в своей молитвенной памяти.

Но мир праведников, недавно отшедших ко Господу, — это уже достояние всех хотящих на их примере жати свое спасение; о них я и поведу здесь, в моих очерках, речь свою в радостной надежде, что одним, совершенным, она будет в утешение, а другим, ищущим Бога в истине, а не «в препретельных земной мудрости словесах»³, она послужит в утверждение и в вечное спасение в небесных обителях Отца и Царя нашего Небесного.

Христос Господь, Бог наш, в Троице славимый, вчера, днесь и во веки Той же, и потому в ряде очерков, предлагаемых вниманию боголюбцев, я, начав жизнеописанием игу-

² Нельзя мне и сказать.

³ «В убедительных словах человеческой мудрости» (I Кор. 2, 4).

мена Феодосия Попова, во всём всем нам подобострастно-го человека, заключаю свой малый труд преподобным Марко Фраческим, о котором писано с таким вдохновением Четьи-Минеями, столь основательно позабытыми теми, кто почитает себя цветом современной образованности.

Главнейшая же цель труда моего – на достоверных показаниях и примерах близких нам по времени христиан утвердить в сердце моего читателя непреложное свидетельство апостольской истины, явленной в словах апостола Павла в его втором послании к коринфянам: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на Небесах, дом нерукотворенный вечный!» (2 Кор. 5, 1).

Труд мой ничтожен – он труд только писателя верного, но и за него молю и прошу того, кому он придется по сердцу, не оставить грешного моего имени поминованием молитвенным к Творцу всяческих.

Сергей Нилус

Часть первая

Игумен Феодосий (Попов)

Предисловие

Так в Духе Святом утверждает святой апостол Павел, обращая свое вдохновенное слово к Церкви верующих всех стран, всех времен до скончания века. И слово это как слово Божие измениться не может; и как Церковь Божию, так и слово апостольское не одолеют и врата адовы, — этому верит христианская вечность, должны верить и мы, православные христиане, предназначенные к вечности, к вечному спасению, к вечному радованию, к вечному царствованию вместе с Царем славы, Христом Иисусом. Такова вера наша, и с этой верой, Богу милующу, мы и отойдем в Царство света немерцающего и незаходимого.

Но как горькая действительность мало соответствует светлым христианским упованиям! Где сила Христова просвещения духа человеческого? Где подвижники духа? Где вера их? Где сила их, переставлявшая горы? Где явно действующая благодать Духа Святого? Где они, великие светильники

веры, преподобные, эти Ангелы во плоти, нас спасающие?... Тревожное сердце христианское, недоуменно и втайне озираясь на окружающую его действительность, с тревогой, близкой к отчаянию, готово спросить Господа своего: да есть ли теперь даже и спасающиеся? А злобный дух времени земным шепотом отступничества уже шепчет рабам своим: христианство дискредитировано, – долой христианство, долой Церковь, долой монашество, попов, долой все предрассудки и суеверия веры, тормозящие движение земной культуры, прогресса единого бога – человеческого разума! Царь мира – плоть, вечное блаженство – царство всеобщей сытости! Прочь призраки и мечтания слабых разумом, обольщенных и обольщаемых своекорыстными жрецами!..

Вот какие речи ведет к своим ученикам и последователям дух времени сего, князь мира сего, торжествуя уже близкую свою, конечную победу над ослабевшим в духе христианством. Так, по крайней мере, думает отступнический мир.

«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12, 32).

На все времена сказано было это слово нашим Спасителем и Богом: во все времена стадо Христово, верное своему Пастыре-начальнику в полноте духа и истины, было не велико, потому что всегда был тесен и прискорбен путь Креста Христова и широко отверсты врата, ведущие в погибель. В конце же времен, при внешнем и кратковременном торжестве зла, оно будет казаться еще меньше, но все-таки будет

Церковью, которую не одолеть всей силе вражьей. И теперь, в наши лютые и многобедственные времена, еще живут и работают на Божией ниве незримые миру Божий трудники, те «седьм тысяч», которых соблюл Себе Господь и которые не подклонили выи своей Ваалу.

В одну из поездок моих в Оптину пустынь, за беседами с богомудрыми старцами, довелось мне услышать об одном из членов этого святого братства, игумене Феодосии, скончавшемся в 1903 году и последние годы своей жизни приютившемся на покой под тихую сень скита великой духом Оптинской обители. И все, что рассказывали мне об этом старце, до того было близко моему сердцу, так трогательны были еще живые воспоминания, что я невольно им заинтересовался. Богу угодно было раскрыть мне душу этого молитвенника и дать мне в руки такое сокровище, которому равного я еще не встречал в грешном своем общении со святыми подвижниками, работающими Господу в тиши современных нам православных монастырей. Сокровище это – автобиографические заметки в Бозе почившего игумена, которые он составил незадолго до своей праведной кончины. Со времени учреждения православных монастырей не было примера, чтобы кто-либо из их насельников и подвижников оставил о себе воспоминания, касающиеся самой интимной стороны жизни монашеского духа, сохранил бы подобную историю своей души, стремящейся к Богу, своих падений и восстаний, и поведал бы о силе Божией, в его немо-

щи совершавшейся и неуклонно руководившей им на пути к земному совершенствованию в благодати и истине и к Царству света невечернего.

Тем и драгоценны эти заметки, что они с необыкновенно правдивой ясностью указывают нам, что и в наше время, и в ослабевшем нашем христианском духе, возможен и всякому доступен с Божией помощью путь спасения и соединения с Господом Иисусом, Который все Тот же, что был от создания человека и останется Тем же во веки. С необычайной живостью ведется эта летопись сердца почившего игумена и раскрывается история земного испытания этой христианской души. С редкой правдивостью, с какой автобиограф не щадит и самого себя, повествуется им и о той мирской и монастырской обстановке, в которой трудилось его сердце в искании Бога и Его вечной правды: как живые, воскресают перед читателем события недавнего прошлого, тени тех средних русских людей, из которых одни из них работали над созданием храма Божьего в сердце Православной России, а другие по слабости своей и неведению – над его разрушением.

С редкой силой, с летописной простотой ведется удивительное повествование это о людях, о событиях, о душе человеческой и о силе Божией, над всей их немощью совершавшейся, и сам игумен восстает перед читателем во всей яркости своего духовного облика.

Уверенный в особой назидательности этих заметок почив-

шего игумена как для верующего православного люда, так и для монашествующей современной братии, я разобрал их, связал их, по силе своего разумения, в одно целое, не убавив и не прибавив в них ничего своего, самоизмышленного, и даже, по возможности, сохранив слог и способ выражения мыслей самого автора. Покойный, не получив законченного образования, не мог создать цельного литературного произведения, но природное дарование его было не из заурядных, и оно дало в его заметках такой богатый и яркий, литературный, бытовой и психологический материал, что легок был мой труд, который я теперь предлагаю вниманию и назиданию моего дорогого читателя. В напутствии к биографии игумена Феодосия сообщу характерную черту прозорливости великого старца и наставника монашествующей братии Оптиной пустыни и всего православно-верующего мира, отца Амвросия Оптинского, под чьим духовным крылом воспитывался и отец Феодосий.

Жил игумен Феодосий уже на покое в скиту Оптиной пустыни и, несмотря уже на известную только одному Богу степень своей духовной высоты, нередко подвергался искушению от духа уныния, столь знакомого всем, кто внимал своей духовной жизни. В одно из таких искушений прибегает старец-игумен к старцу Амвросию и почти с отчаянием плачет к нему.

– Батюшка, спаси – погибаю! Свинья я, а не монах: сколько лет ношу мантию, и нет во мне ничего монашеского. Толь-

ко и имени мне, что – свинья!

Улыбнулся старец своей кроткой улыбкой, положил свою руку на плечо склонившегося перед ним и плачущего игумена и сказал:

– Так и думай, так и думай о себе, отец игумен, до самой твоей смерти. А придет время: о нас с тобой, свиньях, еще и писать будут.

Это мне рассказывал один из сотаинников жизни покойного игумена, ныне здравствующий отшельник оптинский.

Лет двадцать прошло с этих замечательных слов блаженного старца, и суждено было им исполниться через мои грешные руки, руки того человека, который в то время сам так далек был не только от подвижников монашества, но и православным-то числился по одной метрике, выданной Московской Духовной Консисторией для поступления в гимназию.

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33).

Записки игумена Феодосия о своей жизни

I

Относительно моей родословной вот что я не раз слышал в юности лично из уст моего родителя.

Пращур наш местожительство имел в селе Мелике, в двенадцати верстах от города Балашова Саратовской губернии. В то время город этот был не что иное, как деревня, принадлежащая помещику Б...у, а селение Мелик – несколько сотен мордовских семей язычников-идолопоклонников мордовцев. Мой пращур был их старший повелитель и начальник. Когда Петр I, желая скрыть свои благотворительные и мудрые планы от наблюдения кабинетов европейских держав, строил в Воронеже флот для взятия Азова, пращур наш, без всякого со стороны правительства к тому побуждения, возымел собственное желание принести, по силе возможности, дань своего верноподданнического чувства, и когда Государь нуждался в материальной помощи, он нарубил для него несколько сот вековых корабельных дубов, срубил их в плоты и собрал несколько тысяч пудов ржаной муки от всех

подвластных ему племен. Все это он желал доставить в кулях на плотах по рекам Хопру и Вороне. Но, так как в то время не было в той стране хороших лоцманов и по рекам не было открыто судоходство, то план его не осуществился, и цель не была достигнута. Плоты, которые были спущены с грузом кулей муки во время полой воды, занесло в рукава заливов, а некоторые и вовсе потонули. Только несколько плотов догнали до Новохоперской крепости. С великим горем ускорил мой пращур на лошадях в Воронеж и предстал пред лицо Державного и объяснил ему о неудаче своего предприятия. Петр не оставил без внимания усердия мордвина и пожаловал ему в знак своей милости водяную мельницу на реке Хопре, близ села Репного, в вечное потомственное владение и несколько десятин лесу с землею, на что была выдана грамота, впоследствии записанная в церквах Репинской и Беломойской. Подаренный лес был окопан глубокой канавой, следы которой и я не раз видел, когда ездил с родителем моим на охоту с ружьем осенью за зайцами. Местность эта поднесь называется «Крутина», а прежде называлась «Лес Вагаева», по прежней нашей коренной фамилии. В бытность свою в Воронеже пращур мой не раз удостоивался беседовать со святителем Митрофаном и был им научен таинствам Христовой веры и был крещен в реке Воронеже, а по возвращении своем в село Мелик он убедил всех жителей этого села принять Святое Крещение. Впоследствии пращур мой, по усердию своему, выслал одной из Цариц отлитый по

его заказу колокол, который был цел еще и во дни жизни моей бабки. Рассказывая мне об этом событии, бабка моя рассказывала мне, что мельницей и лесом мы владели до царствования Екатерины II. Когда же эта великая Государыня повелела размежевать земли по принадлежности, то в это время прибыл к прадеду моему межевой и сказал ему секретно в его доме:

– Вагаев! Если ты не дашь мне пяти рублей, то я мельницу и лес твой отмежую в другие дачи, а тебе отрежу в другом месте, пониже.

Но у прадеда моего был на это свой особый взгляд: за что, де, я дам пять рублей?

Что может он мне сделать? Я имею царскую грамоту, никого не боюсь, денег не дам, а нужно будет, и до Царя дойду.

– Эй, Вагаев! Дай – тужить будешь, – говорил землемер, – синяя – не велики деньги.

– Ладно! – отвечал ему пращур, – мы сами знаем, где Царь живет.

И уперся на своем. Земля с мельницей была прирезана к другой даче, а ему было велено построить мельницу ниже. С мельницы семью пращура выгнали, и бабушка моя со своей матерью пошли по плотине, оглашая воздух раздирающими сердце воплями. Завелась тяжба. Прадед со своей грамотой – в Петербург, и здесь, уже на опыте, хотя и поздно, узнал русскую народную пословицу: «до Бога высоко, а до Царя далеко». Истратив там порядочный куш экономией и труда-

ми накопленных тысяч и не дождавшись чего-либо в свою пользу, он с грустью позднего раскаяния окончил в Петербурге свою жизнь, а все бывшее при нем имущество пропало бесследно. Событие это тяжело отразилось на благосостоянии его семьи. Впоследствии даже следы этой грустной истории были уничтожены господином Струковым, местным предводителем дворянства, который под видом расследования выпросил у моей бабушки крепостные документы и бросил их в печку. Мельница поступила в опись Палаты Государственных Имуществ и с того времени сдается с торгов от казны в арендное содержание.

Чтобы покончить со всей этой бесконечной тяжёлой историей, начальство, во избежание возобновления наследниками дела, велело и самую нашу фамилию из Вагаевых изменить в Поповых. Хотя и поныне еще есть потомки Вагаевых, но родовая земля, лес и мельница давным-давно не принадлежат им... Такую роль в жизни нашего рода сыграла пятирублевая синяя ассигнация... Кажется, нельзя было бы этому и поверить, но, к несчастью, это правда из времен... Шемякина суда. Еще, я помню, видел крепостные наши документы пятикопеечного достоинства.

Да к чему они? Прадед и землемер давно уже в сырой могиле превратились в тление до будущего Суда и вечной жизни, и те самые синие пятирублевые ассигнации заменены теперь государственными кредитными билетами.

Проходит образ мира сего.

Вот имена моих ближайших родоначальников:

Прадед моему отцу – Симеон, жена его – Соломония.

Дед – Иаков, жена его – Фекла.

Отец – Родион, жена его – Васса.

Родитель мой – Афанасий, мать моя – Агафия.

Братья мои: Феодор, скончался в 1846 году на двадцать первом году от рождения, Иоанн родился в 1835 году (я был восьми лет).

Сестры: Екатерина, Пелагия.

Всех же нас у родительницы было двадцать один человек, но те умирали во младенчестве – году, трех и пяти лет. Родительница моя умерла в 1851 году двадцать седьмого сентября и похоронена на общем кладбище (Новом) в городе Балашове на пятьдесят первом году от рождения своего. Родитель скончался в 1857 году седьмого августа на шестидесятом году, а погребен в селе, бывшем городе Добром, Лебедянского уезда Тамбовской губернии, близ Тихвинской церкви.

Сотвори им, Господи, вечную память!

Прошу всех православных с поклоном до земли и с росой сыновнего усердия на ресницах поминать их имена на проскомидии и в частных своих святых молитвах, и благий Господь в милости Своей да помянет всех нас. Аминь.

II

Говаривала мне моя бабушка: «Когда я была лет восьми

или девяти, мы жили в селе Репном, от города Балашова в семи верстах. Я любила очень ходить в церковь и, как услышу звон колоколов, сзывающий народ к обедне, так сейчас и бегу в храм Божий. Бывало, и в будни я так-то, ради церковной службы бросала игры с подругами, с которыми бежала по зеленой траве, ловя бабочек, и как зазвонят в церкви, так оставляю все и бросаюсь в церковь. В церкви я становилась у самого амвона, против царских врат, и зорко следила за всеми действиями священника. Причина моих наблюдений за священником была та... что однажды, бывши в праздник с моими родителями у обедни, я видела над престолом, немного повыше головы священника, прямо над Святой Чашей парящего Голубя, Который был бел, как снег, и неподвижно, едва заметно трепеща крыльями, держался в воздухе. И видела я это не раз, и не два, а несколько раз, о чем я передала своей подруге, бывало, и мы всегда с нею, как только услышим звон колокола, так и бежим изо всех сил, желая перегнать друг друга, и станем вместе у амвона, дожидаясь появления блестящего белого Голубка. И уже как же любили мы Его за то, что Он был такой беленький, такой-то хорошенький!

Но были дни, когда мы так и не могли дождаться этого чуда, которое совершалось только во время служения старика-священника (отца, если я не ошибаюсь, священников, ныне служащих Алексия и Иоанна Росницких). Только в его служение мы и видели нашего Голубка. При другом священ-

нике этого не бывало. Когда же мы объяснили это нашим родителям, а родители сказали священнику Росницкому, с тех пор мы с подругой более не видали чудного Голубочка...»

Бабушка моя, как я ее помню, была очень богомольна: целые ночи без сна, стоя на коленках, она маливалась Богу и делала это она всегда в потемках, в спальне или в зале, где только не было людей. Когда зимой на полу стоять было холодно, бабушка становилась молиться на лежанку и, забывая, где она и что она, полагая поклоны, незаметно приближалась все ближе и ближе к краю лежанки и, наконец, падала на пол. И случалось это с ней не раз. Мы, как несмысленные дети, бывало, засмеемся, восклицая: «Ну, бабушка наша опять полетела!» А бабушка, как ни в чем не бывало, влезет опять на лежанку и опять станет на молитву. Иногда, сделав один земной поклон, она засыпала на поклоне и в таком положении храпела, что ее было слышно в других комнатах. Так продолжалось несколько минут. Скоро она опять пробуждалась и опять принималась молиться и класть земные поклоны. Были дни, когда к ней приходили ее родные сестры, тоже старушки, одна – из села Репного, а другая – городская. Те жили очень бедно, а родитель мой жил в довольстве, и бабушка моя по жизни своей была много счастливее их... Бабушка принимала своих сестер с особой лаской и гостеприимством и заставляла меня по вечерам читать акафист Спасителю и Божией Матери, а сами старушки становились все на колени, молясь Богу, и со слезами на

глазах вслух произносили за мной: «Радуйся, Невесто Неневестная!» или «Иисусе Сыне Божий, помилуй нас!». После этого они меня заставляли читать, что я и делал с великим удовольствием, помянник, что в Псалтири, который начинается так: «Помяни, Господи Иисусе Христе Боже наш, милости и щедроты Твоя, от века сущия, ихже ради вочеловечился еси и распятие и смерть спасения ради право в Тя верующих претерпети изволил еси», и т. д. Все это сопровождалось земными поклонами. Затем шли моления за Царя и за всех, «иже во власти суть», и оканчивалось: «Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежде воскресения отцем и братьям, и сотвори им вечную память».

После этих молитв, если зимой бывало еще рано ужинать, заставляли они меня читать Киевский патерик, или четьи-минеи, или что-либо из Библии – Бытия, Иова, Товита, или про Иосифа. Я читал, а семейство наше все безмолвно слушало и нередко отирало набегавшие и катившиеся по щекам слезы.

Прискорбно нам тогда бывало, когда старший брат мой, Феодор, приходил из конторы и начинал читать литературные произведения светских писателей – Загоскина, Марлинского, Полевого, Пушкина и других, к чему он имел особенное пристрастие. Маменька моя любила его чтение, и он, бывало, с улыбкой на устах, скажет нам:

– Ну, отцы, убирайтесь-ка в другую комнату. А нет – так

милости прошу к нашему шалашу послушать и нас, грешных.

И случилось, что мы сидели и слушали, и улыбались при чтении каких-нибудь смешных повестей; хохотали же, обыкновенно, всякий раз, как брат читал Гоголя. Бабушка послушает, послушает и закончит тем, что скажет:

– Бознать, что за галиматья! И слушать-то нечего. То ли дело Священное-то Писание: там, как в зеркале, видишь свои немощи и поплачешь о своем окаянстве. А это что? Слова нет о вечности... Зубы только скалить! Эх, вы дураки, дураки!.. Не читай, Федюшка, эти балье⁴, читай более Священное Писание, оно более тебя умудрит и просветит ум твой, чем эти умники-то своими писаньями: время только тратят понапрасну. Умница писала, дураки читают, а полумные слушают, да зубы скалят... Полно вам! Идите-ка молиться Богу да ложиться спать, чем празднословить.

Часто бабушка, угощая меня чем-нибудь, говорила:

– Смотри, Федя, умру – поминай меня!

Я всегда ей обещался. И все наши с ней посиделки она всегда заканчивала словами:

– Смотри, не забудь, а то и помянуть-то некому будет: я на этих краснобаев-то уж и не надеюсь.

⁴ Балье – обман (бачий – обаятель, колдун, баламут).

III

Однажды пришла моя бабушка зимой от утрени. Родитель мой еще не вставал.

Побранив его за леность, она сказала:

– Встань! Запиши для памяти...

– Чего, матушка? – спросил родитель.

– Запиши: озимые хлеба будут ныне летом плохие – лебеда уродится. Ранние пшеницы вовсе не родятся, средние будут хороши; гречи мороз убьет, а проса вовсе пропадут...

Родитель записал бабушкино предсказание, и время его в точности оправдало.

На другой год пришла она тоже от утрени зимой в какой-то праздник и сказала:

– Ну, Афанасий! На лето будет страшный голод – ничего не родится.

Упросила родителя, чтобы он дал денег на покупку ржи:

– Поверь мне, – сказала она, – увидишь, что я не лгу – голод, голод и голод-то будет страшный.

Родитель дал четыреста рублей ассигнациями, и она сама ездила в село Беково и купила там сто четвертей ржи, которую родитель всыпал в порожние винные бочки, вставив дны, и они стояли до весны рядами близ подвала. Когда же началось народное бедствие от голода, бабушка, с изволения родителя, взяла себе еще другую женщину из хлеба, и эта

женщина только и знала, что пекла хлеба, а бабушка резала их на ломти и раздавала нищим, которые сотнями стояли у наших окон. Голод был ужасный. Что только не ел тогда бедный народ! Уже не говоря о лебеде, толкли древесный лист, кору, даже гнилушки, отчего многие пухли и умирали. Пуд ржаной муки доходил до полутора рублей серебром, что составляло по тогдашнему счету на ассигнации пять рублей двадцать пять копеек и дороже.

Бабушка моя лечивала и неизлечимые болезни и притом самыми простыми средствами: девятисилом, полынью, чернобылью и тому подобным. Однажды ей знакомый доктор сказал:

– Смотри, Семеновна, ты со своими лекарствами попадешь в острог: умрет какой-нибудь скоропостижно, и скажут, что ты его отравила.

– А ты не смейся! – отвечала ему бабушка, – смотри – сам как бы не приехал ко мне лечиться. Знаю я вас: вы все на словах-то лекаря, а на деле-то вас и нет.

Вскоре этот доктор впал в опасную болезнь и не миновал-таки он рук моей бабушки, которая его и вылечила. После выздоровления своего от бабушкиного лечения он дивился и говорил:

– Никуда мы со всей своей медициной не годимся против Семеновны.

А бабушка моя, слыша те речи, отвечала:

– Не наука ваша виновата, а вы плохо ей учились и когда

лечите, вы относите к себе. А вы бы сперва помолились Богу, да попросили бы Его помощи. А этого-то ведь у вас и в уме нет. Вы только тогда к Богу-то прибегаете, когда вас самих заберет черная немочь. А чуть прошло, ну и опять заболтаете такую дичь, что гнусно слушать... Вольнодумцы! Хоть бы уж сознавались себе, что, дескать, мы виноваты, а то – куда тебе! – хлебнут дури-то без меры, да и кричат, как безумные: Бога нет!.. Вот и слушай вас, ученых дураков!

Сходить бабушке, бывало, за десять или двадцать верст, посетить и навестить больного – это для нее ничего не значило, и дома никому о том не скажет. Выдавали бабушкины тайны иногда знакомые мужички: едут в город, встретят ее с палочкой, пешком идущую в их село, да и скажут о своей встрече моему родителю, а ее сыну. И вот вернется со своего похода бабушка, ее и спрашивают:

– Где ты, матушка, была?

Она всегда отвечала, что была по приглашению у кого-либо из богатых граждан, к которым она была вхожа. И когда мой родитель, бывало, смеясь за обедом, ей на это скажет:

– А кто же это с палочкой пешком шел там-то? – Бабушка улыбнется виноватой улыбкой и начинает оправдываться:

– Да, как вам сказать правду-то? Ведь вы еще браниться будете. А как не пойти-то! Человек-то бедный, старый, да и призреть-то за ним некому. Я его обмыла и лекарство составила, и попросила там таких-то, чтобы они Бога ради позаботились о нем.

За то и велика же, и сердечна была к ней признательность от черного народа. Денег же за лекарство она ни с кого никогда не брала, кроме того, что ей самой стоило лекарство, а это всегда было не дороже десяти, двадцати и много, много тридцати копеек. Любила моя бабушка принимать к себе и странников, которых она вводила в дом на ночлег иногда даже целыми толпами. Угощала их, чем Бог послал, как родных, от всей своей полноты душевной. Маменька моя, любившая чистоту полов до пристрастия, и когда даже резко выговаривала бабушке за ее любовь к странникам, особенно, когда они, бывало, осенней порой лаптями своими нанесут грязи и запачкают полы на кухне. Во избежание брани, бабушка, накормив странников и уложив их на отдых, сама подоткнет подол и вымоет пол в угоду невестке. Усердие ее к церковным службам было изумительное: она ни одной службы никогда, когда была дома, не пропускала, не обращая внимания ни на время года, ни на погоду. Такое усердие к Божьему храму я знал только в бабке отца Филарета, что в Площанской пустыни, и еще одну старушку, по фамилии Арбузова. Недаром все они с моей бабушкой трое были подругами с юности до самого гроба. Кроме Богом данного искусства врачевания, бабушка моя была и замечательной по своему времени акушеркой. — У кого я училась повивать, — говорила нам не раз бабушка, — старушка та жила около ста лет и очень была опытна в повивальном искусстве. Такой с ней раз был случай: пришлось повивать у дьячихи своего се-

ла, и, когда родился младенец мужского пола, она сказала его матери:

– Смотрите, не забудьте, что я вам скажу о будущности этого младенца. Я, конечно, умру и не дождусь, когда он достигнет возраста мужества, а вы мои слова запишите: если Богу будет угодно, и младенец останется жив, то он будет большой человек, к Царю будет близок и станет большим начальником.

– Почему ж ты это знаешь? – спросили ее родные и родители младенца.

– Да, как же мне не знать, когда он и во чреве-то сидел не как прочие...

Младенец этот стал впоследствии генералом Репнинским (читайте биографию Сперанского).

Особое было искусство у старушки. Понимают ли в нем что-нибудь современные акушеры?!..

И бабушка моя, тоже раз повивавши в одном доме, сказала, чтобы записали:

– Младенец этот богатым будет.

И время оправдало ее предсказание.

IV

Пришло, наконец, время и моей праведнице бабушке помирать. Я служил в это время в земле Войска Донского в Нижнечирской станице дистанционным на службе у В.Н. Ру-

кавишникова при брате его Алексее, управлявшем его делами. Бабушка уже достигла глубокой старости. Это было в 1848 году, а во дни Пугачева бабушка была лет шестнадцати или семнадцати. Видел я сон: будто бабушка взяла меня за руку и повела внутрь какого-то великолепного, вновь отстроенного дома с роскошной внутренней отделкой и богатейшей мебелью, чудным балконом и крыльцом в дивно цветущий сад. В доме этом еще никто не жил. Глядя на всю эту роскошь, я удивился и спросил бабушку:

– Чей это, бабушка, дом, и для кого он выстроен?

Она мне ответила:

– Этот дом выстроила я для себя.

И с этими словами повела меня на крыльцо, а с крыльца – в сад. Удивляясь необыкновенно изящной отделке крыльца, я взглянул кверху и увидел, что одной доски в потолке нету, и до самой крыши зияет дыра. Удивился я этому и спросил:

– Бабушка! Отчего это одна доска не прибита? Все так прекрасно отделано, а это оставлено: ведь сильно безобразит. Не Бог весть, чего одна-то доска стоит! Нужно бы прибить.

– Что делать, внучек, – ответила бабушка, – вот и весь дом выстроила, а одной доски и той не могу прибить. Это прошу тебя, постарайся ты доделать – я теперь уж не в силах и больше трудиться не могу.

С этими словами – «я теперь не могу, – прошу тебя, уж ты доделай» – я проснулся и долго размышлял, удивляясь и это-

му сну, и красоте виденного дома. Встал я с постели, зажег свечку и записал во всех подробностях свой сон, а с первой почтой написал своим родителям, прося их известить меня, что такое происходило у нас в доме ночью такого-то числа, и нет ли вообще каких новостей. Ответ был получен такой: «Этого числа, о котором ты пишешь, бабушка твоя ночью окончила свою земную жизнь и перешла к небесной вечности со всеми таинствами Святыя Апостольския Соборныя Церкви». Так перешла в небесные обители праведная душа моей старушки-бабушки.

V

Молитвами Преблагословенныя Владычицы нашае Богородицы и Приснодевы Марии, святаго Архангела Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, святаго славнаго Пророка и Предтечи Господня Крестителя Иоанна, святаго великомученика Феодора Стратилата и прочих всех святых мучеников и мучениц, и Марии Египтянины, святых преподобных отец Антония и Феодосия и прочих Киево-Печерских чудотворцев, преподобнаго Сергия Радонежскаго и всех святых, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй и спаси нас. Аминь.

За молитвами преподобных отцов: игумена Оптинской пустыни отца архимандрита Моисея, старцев иеросхимонахов – отца Макария и отца Амвросия, и друга моего и бра-

та моего, сотоварища от юности, иеросхимонаха Филарета (Площанской пустыни) и прочих отцов и братии, благослови, Господи, написать и поведать о жизни моей многогрешной от дней моего рождения и до поступления на покой из Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова монастыря в скит Оптиной пустыни, и спаси меня многогрешного.

Многие из числа отцов и братии Оптиной пустыни, и матерей женской Казанско-Амвросиевой пустыни, всечестная игуменья мать Евфросиния и другие близко мне знакомые лица неоднократно мне советовали и просили меня написать на память обо мне многогрешном кое-что из воспоминаний моей жизни. И родные мои того же желали. И вот, в исполнение, кладу перед всеми земной поклон и со слезами прошу усердно простить меня за все и не забывать во святых своих молитвах, чтобы и мне многогрешному получить кончину христианскую и благоприятный ответ в день Судный. Аминь. Родина моя – Саратовской губернии город Балашов, а место рождения мое было того же уезда в селе Большой Карай. Случилось это в 1824 году в феврале месяце, а крещение мое было восьмого того месяца. Когда я родился, у меня уже был брат, нареченный Феодором. А почему и мне священником в первый день, повнегда родити жене отроча, дано было то же имя Феодор, это скажется ниже. Сам же я этого не знал до десятилетнего возраста. Родителя моего звали Афанасий Родионович Попов, а матери имя было – Агафья Андреевна, в девицах Склярова. У матери моей было

три брата: Моисей, Фока и Петр Андреевичи Скляровы. Фамилия их вышла из Малороссии, а родина – Слобода Остров от города Балашова в шестидесяти верстах. Второй брат моей матери, Фока Андреевич, был очень умный человек и всю свою жизнь служил по питейной части комиссионером у откупщика Петра Ивановича Ковалева (или Коваленкова) и других его сотоварищей по откупу, Устинова и Образцова. Ковалев жил до самой смерти в городе Балашове, а с ним и мой дядя, Фока Андреевич. Третий брат, Петр, жил при Фоке Андреевиче и тоже служил по откупу дистанционным поверенным. Старший же, Моисей, жил в доме родителей своих в Слободе-Островах и был слободским всего уезда, по избранию всех обществ, земским головой.

И родитель мой почти что всю жизнь тоже был на службе по питейной части подвальным у того же откупщика Ковалева, и так как брат моей матери, Фока Андреевич, был комиссионером, а эта должность была влиятельной, то ему жилось хорошо, потому что управляющие откупам, из уважения к комиссионеру и сестре его, моей матери, были хлебосолами всему нашему семейству. О годах моего раннего младенчества вот что я слышал от моей матери и бабушки: после крещения моего я сорок дней лежал в люльке без крику и малейшего движения. Не подавал я голосу даже и тогда, когда меня вынимали из люльки и подносили к груди. Заплакал я в первый раз, когда, по прошествии сорока дней, меня снесли причастить в церковь и из церкви принесли домой. С тех

пор я долго не переставал плакать, не давая никому покоя ни днем, ни ночью, так что вынуждены были мне нанять в няньки бедную сиротку девочку, чтобы она меня нянчила на дворе. Когда нянька, вынося меня гулять, подходила к церкви, я переставал плакать. Это было замечено, и, когда потом, я начинал, бывало, плакать, то матушка говорила няньке:

– Неси, неси его на паперть!

А церковь в селе Карае была близко от нашей квартиры. И так со мной делали всякий раз, как я начинал плакать: понесут на церковную паперть, – я плачу, а там немедленно успокаиваюсь и уже домой меня приносят спокойным надолго. Когда же я стал понимать, то сам стал указывать по направлению к церкви, давая этим знать, чтобы меня несли туда, особенно, когда я слышал благовест. Поэтому меня почасту приобщали Святых Христовых Тайн.

От 1830 по 1835 год родитель мой жил в селе Макаровке Балашовского уезда на должности подвального. Когда мне пошел восьмой год, мы с братом Феодором уже учились у местного сельского священника, отца Димитрия. Человек с тринадцать всех нас у него училось. Изучая Священную историю и Катехизис, я узнал, что есть Ангелы, которые охраняют нас, и бесы, которые ищут нашей гибели. Не знаю, как и почему, но мне пришла мысль испытать, правда ли это? И вот, сидя на крыльце нашей квартиры, когда родители мои отдыхали после обеда, задумал я эту мысль свою привести в исполнение: встал я с крыльца, пошел на задний двор и до-

рогой вслух сказал:

– Послушай, бес: если ты что-либо можешь сделать, то уверь меня в этом: принеси мне в амбар тонкую, хорошую веревку. Если ты это исполнишь, то я пойду в хлев, куда коров загоняют, и там удушусь на этой веревке... Вот-то удивятся товарищи мои, когда увидят меня повесившимся на перекладине!.. Ну, слышишь, бес, что я тебе говорю? Исполни ж мое желание!

На всем дворе в это время никого не было. День был жаркий, ясный. Бродили тучки по небосклону. Сказавши эти слова, я пошел к амбару, который был плотно затворен. По дороге к амбару, в голове моей мелькнула другая мысль: удушиться, подумал я, неприятно, а лучше брошусь-ка я в колодезь на заднем дворе. Колодезь этот был очень глубокий, и вода в нем была чистая и прехолодная. Принадлежал он соседу, протопопу, и из него брал воду всякий, кто бы то ни пожелал. Был он выкопан между двумя дворами у одной из стен... И вот, подойдя к амбару, я, растворивши дверь, к удивлению своему, увидел почти целый моток новой, тонкой бичевы. Взял я его в руки и, миновав коровник, пошел к колодезю и, нагнувшись, стал в него смотреть. Глубоко, глубоко поблескивала в нем его холодная вода, а в мыслях моих точно кто-то говорил: «Вот когда я туда брошусь и, конечно, утону, тогда товарищи мои да и многие другие будут удивляться, как это и почему я утонул в колодезе?» Я невольно улыбнулся в ответ на свои мысли и сказал:

«Нет, бес, лучше уж я пойду удушусь. Вот тогда-то товарищи мои придут и будут удивляться, когда я буду висеть в петле!»

С этими словами, развязав найденный моток новой бечевы, я сделал петлю и завязал конец... Оставалось только всунуть голову в петлю, и жизнь моя была бы прекращена... Я оробел и вдруг громко и весело засмеялся, воскликнув:

«Лезь же ты сам, проклятый, а я тебя поддержу!»... И в это мгновение из туч на небе блеснула ослепительная молния, и раздался такой громовой удар, что я во всю свою жизнь подобного не слыхивал. Я сильно перепугался и изо всей силы бросился бежать из хлева к дому на крыльцо, а дождь после удара полил ливнем, как из ведра... Когда я вбежал на крыльцо, там стоял мой родитель; стояли с ним и другие, и все они удивлялись небывалому удару грома и необыкновенной яркости ослепительной молнии, повторяя: «Ну уж и удар! Такого мы еще и не слыхивали». Через несколько часов пришло известие, что этим ударом убита женщина в селе Потье, за рекой Хопром, верстах в трех от села Макарова.

Об этом своем поступке я никогда никому не рассказывал, но с того времени убедился, что есть злые духи, и стал внимательнее и прилежнее молиться Богу и моему Ангелу-хранителю.

VI

Верстах в трех от села Макарова было имение князя Григория Сергеевича Голицына. Княжеская усадьба была расположена на горе, и неподалеку, под горой, – винокуренный завод князя. Князь очень доброжелательно относился к моему родителю, с которым ему приходилось иметь дело по винному откупу. Любил князь утром и вечером совершать прогулки верхом на лошади. И вот, однажды, подъехал он верхом к нашей квартире. Мы в это время всей семьей сидели за обедом; окно было открыто на улицу; день был ясный, и князь, подъехавши к окну, громко, с приветливой улыбкой сказал:

– Приятного аппетита всем вам желаю!

Конечно, родитель мой, увидевши князя, быстро выскочил из-за стола и выбежал к нему на улицу, а мы – дети и мамаша засуетились и тоже, побросавши обед, кинулись к дверям к нему навстречу. Побежали навстречу князю, правда, старший брат мой Феодор да сестра Екатерина (ныне схимонахиня в Шамордине), а мы, несколько оробев, стояли около обеденного стола. С ласковым приветом вошел князь к нам в дом и, видя наше замешательство, весело сказал:

– Прошу всех вас и детей сесть за стол, как сидели, тогда и я с вами сяду, а иначе выйду вон.

Желание его быстро было исполнено. Князю был подан стул, и с той же приветливой улыбкой, глядя на нас, он ра-

душно к нам обратился со словами:

– Ну, вот и я с вами буду обедать!

Родитель мой сказал князю:

– Смею просить вас, ваше сиятельство, рюмкой водки?

– И прекрасно, и умно ты сделаешь, – согласился князь, – а, кстати, у меня и аппетит есть выпить рюмку, а мало – выпьем и по две.

Начали закусывать. Князь все посматривал на нас и вдруг спросил родителя:

– Это все дети твои?

– Наши, ваше сиятельство, – отвечал мой родитель.

– А что ж, учатся ли они у тебя?

– Учатся, ваше сиятельство, у приходского священника, отца Димитрия.

– А почему ж ты не обратился ко мне с просьбой, чтобы их отправить учиться в село Зубриловку, где учатся дети покойного моего брата? Дети-то его вдовы – две дочери уже почти невесты, а вот два сына – твоим детям однолетки, и учат у них все немцы да французы... Да и дети-то всех ее дворовых обучаются особыми учителями. Вот бы и твоих туда отдать!

– Смею ли я просить о сем ваше сиятельство? Кто мы такие, чтобы дети наши учились с детьми ее сиятельства? Я и подумать-то о сем не смею, чтобы просить вас о помещении детей моих в их училище, – смиренно сказал мой родитель.

– Экой ты, братец, какой чудак! – улыбнулся князь, – ты этим ей и мне доставишь большое удовольствие; нам-то при-

ятно будет, чтобы дети твои были образованнее и умнее других, которые учатся у дьячков и отставных солдат, и даже у сельского батюшки.

Низко кланялся мой родитель князю и усердно благодарил его за великую милость. Князь улыбался радушно и на изъявления благодарности отвечал:

– Нечего, брат, благодарить прежде времени. А вот завтра собери-ка их в путь-дорожку да и пришли их ко мне часу в десятом утра, а я их при письме моем отправлю в Зубриловку. Охлопочите только поместить их к кому-нибудь из зубриловских жителей.

Тут родитель мой и бабушка сказали:

– Да в Зубриловке и священник-то отец Иоанн Андреевич Росницкий – нам родственный.

– Вот и прекрасно, – сказал князь, – так присылай же твоих детей ко мне в дом, а я их при письме отправлю к своей свояченице.

Родитель мой усердно благодарил князя, а мать и бабушка чуть не в ноги ему кланялись. Пожав им всем руки, нам князь сказал: «Итак, в десять часов жду вас!» – и с этими словами от нас уехал.

Все мы были поражены и очарованы простотой его обращения. Целую ночь мать и бабушка не спали: пекли, жарили, варили, готовили пирожки с запеченными яйцами, кур, яйца всмятку; наложили все в мешок, тщательно завязали – нам в путь-дорогу. А село Зубриловка от села Макарова – не более

верст двенадцати. Уложили весь наш багаж, а утром, часу в шестом, напоив нас чаем, помолившись Богу и благословив нас со слезами на глазах, расцеловали нас, прося вести себя благоприлично и давая нам всякие советы и указания, как нам жить в чужих людях. Родитель мой, смотря на их слезы, улыбался и подшучивал:

– Эх, далеко вы их отправляете! Смотрите-ка, шутка-дело – за двенадцать верст: как тут не плакать!.. Мало вы им, вижу, кур-то с яйцами и с пирожками насовали в мешок!

Смеялся он и над нами: «Пришла экая беда: теперь уж вы недельки две-три друг с другом не увидите».

А бабушка, утешая нас, на слова родителя говорила: «А я вас через недельку навещу – пешком приду к вам».

Тут подали лошадей и усадили нас, целуя беспрестанно. Наконец, осеняя нас крестным знамением, родитель сказал кучеру: «Ну, трогай! Счастливый вам путь! Вези их прямо к князю, к дому и, получив от князя письмо, вези их тогда в Зубриловку, к священнику отцу Иоанну. Передай вот ему мое письмо... Ну, с Богом!»

И мы тронулись в путь; а мамаша и бабушка долго все стояли, провожая нас глазами. Мы привстали на повозке, сняли картузы и все кланялись им, пока их стало не видно.

Часа через два приехали мы к дому князя. На крыльце нас встретил его камердинер и спросил нас:

– Вы – дети Афанасия Родионовича?... Идите по этой дорожке в сад, там и встретите князя.

Так мы и сделали и у садовой беседки встретили князя, который пошел к нам навстречу со словами:

– Молодцы, что так рано приехали! Вот вам букеты цветов и письмо к княгине. Когда приедете, передайте ей все это от меня. Отправляйтесь же с Богом. Счастливого вам пути желаю.

Мы простились и поехали к княгине. Она встретила нас ласково и приветливо, благодарила за букеты, приняла письмо и сказала, что просьба князя о нас ею с удовольствием будет исполнена. И священник нас встретил ласково и принял на житие в свою квартиру, где мы и прожили около двух лет, пока шло наше ученье в Зубриловской школе.

VII

Началось, наконец, и наше ученье в Зубриловской школе. Хотя и почиталась она князем Голицыным образцовой, но преподавание в ней было довольно-таки старозаветное: все уроки свои мы должны были учить наизусть, в долбежку – и Священную историю, и Катехизис, и арифметику. Кроме этих уроков, нам преподавали и чистописание... Княжата учились дома со своими французами и немцами, а в свободные часы приходили играть с нами. Один из них учил нас маршировать, как солдаты маршируют, варить кашу на огне и копать землянки; а другой обучал нас охотничьему искусству: как охотиться на зверей – волков, лисиц и зайцев;

как трубить в рога и трубы, давая знать о каком-либо звере.

В этой игре я исполнял обязанности гончей, и дали мне кличку – «Галка». Я был картав и, когда они меня вместе с учителями спрашивали: «Фединька! Как тебя называли?» – громко им отвечал: «Гайка», и все тогда очень надо мной смеялись, говоря: «не гайка, а галка, – скажи: галка!» – Я не обижался, а смеялся вместе с ними, уверяя их, что так не могу сказать, потому что картав. И меня за это всегда ласкали. В школе нас учили от восьми часов утра до пяти пополудни, после чего мы шли домой обедать; а к другому дню нам задавали уроки. Уроки требовалось, как я уже говорил, отвечать наизусть. В свободное от уроков время нам дозволялось играть в разные детские игры. Из этих игр любимыми нашими были игры «в казанки» или «шлюпки» и «в крысы», то есть бегать друг за другом и ловить. Не знаю уж сам, как и почему, но все ученики в случаях своих детских ссор или драки всегда обращались ко мне для разбора вины и умиротворения, и мне нередко случалось трепать до слез виновных, но они никогда на меня не сердились, а всегда оставались довольны моей справедливостью и беспристрастием. Особенно много недоразумений и ссор происходило во время игры «в казанки»: нарушались условия игры, били в кон произвольно, и старшие неправильно обыгрывали младших, и часто из этого выходила брань и драка. И вот в это время товарищи обращались ко мне, крича: «Что ж это такое, Федя, делается! Это и играть нельзя», – и требовали не позволять старшим

бесчинничать или удалять их из числа играющих. И, когда я, бывало, стану им говорить, они поначалу начнут мне противоречить и браниться. А у меня от детства был вспыльчивый характер и, когда увижу, что неправильно обижают товарищей, да еще меня начнут бранить, говоря: «Да ты-то что за птица? Тебе какое дело?» – тут сердце мое вспыхнет, я хватался за их волосы, и очень, очень чувствительно для них бывало мое наказание. Дело всегда кончалось тем, что протестующие покорялись со слезами и криком: «Не будем, не будем! Федя, прости! Будет бить-то!..» А обиженные с торжеством приговаривали: «Прибавь, прибавь им еще, Федя, чтобы они помнили, как нужно играть!» – Под мою сердитую руку попадало и княжатам, и я всем, не исключая их, с криком гнева говорил: «Что же это вы делаете? Что вы старше нас, так и обижаете несправедливо? Ступайте, жалуйтесь учителям – они лучше разберут, кто из нас прав и кто виноват!» И меня все ребяташки хвалили: «Так-де, вот им надо, пусть идут жаловаться, а мы тогда оправдаем тебя».

На эти детские игры и проказы смотрели часто гувернеры и учителя и, улыбаясь, хвалили меня за справедливость. Так продолжалось невозбранно довольно долго, пока не пришлось мне за свою справедливость сильно перетрусить. Как-то раз играли так-то вот мы, вдруг явился к нам посланный от княгини и потребовал, чтобы я к ней шел немедленно за ним в дом. Вот тут-то я и сробел. А щедрые на посулы товарищи мои, конечно, меня предали и стали мне вдогонку

кричать:

– Вот тебе там достанется на орехи! Отдерут тебя на ко-
нюшне!

С большой робостью взошел я в зал дома, где княгиня с двумя своими дочерьми и мальчиками сыновьями сидели за столом. Там же сидели и учителя детей – француз и немец. Кругом их стола лежали громадные собаки, и им наливали в миски, и подавали каждой собаке ее кушанье, но лакать из мисок они только тогда принимались, когда княгиня им по-французски даст на то разрешение. Тогда только, замахав ласково хвостами, собаки и принимались за свою еду... В страхе и трепете, с крупной слезой на ресницах, подошел я к столу – прямо к княгине... К великому моему изумлению, не с гневом, а с ласкою обратилась она ко мне: «Не бойся, мальчик Феденька, тебе ничего не будет. Эти глупые только пугают тебя. Мы призвали тебя – расскажи мне, как и за что ты бьешь детей, с которыми ты учишься и играешь в казанки?»

Я робко, заикаясь и картавя, рассказал, что быю их за то, что, нарушая ‘условное правило игры, сильные пользуются своей силой и неправильно обижают меньших товарищей... Тут княгиня как бы с гневом обратилась к своим детям и громко, отрывисто, по-французски сделала им, по-видимому, выговор или замечание... Дети сконфузились, покраснели, а учителя улыбались и качали головой...

Сделав своим детям выговор, княгиня ласково обратилась

ко мне: «Не бойся, мальчик: ты прекрасно делаешь, что следишь за порядком вашей детской игры, и продолжай следить, чтобы старшие не обижали младших». И с этими словами подала мне два больших апельсина, сказав:

– Вот тебе от меня гостинец за твою справедливость! – Тут и дочери ее, и учителя начали хвалить меня и давать с десертного стола, кто – апельсин, кто – винограду, пряников – словом, наложили мне полные карманы гостинцев. Я поцеловал руку у княгини, и она велела меня проводить обратно.

Вместо слез, таким образом, я вынес из дома княгини торжество и радость. С радостью меня встретили и товарищи и говоря мне:

– Ай, да Федя, молодец! В какую честь попал!

Но мне моя честь не даром досталась: после княжеских подарков мне учителя стали задавать уроков вдвое больше, чем другим. Я это сразу заметил: шли мы из училища с товарищами, я и обратился к одному из них:

– Ну-ка, Коля, покажи мне, сколько тебе задали к завтраму?

И тут я увидел, что мой урок гораздо более. До слез стало мне тогда и грустно, и обидно. За что это мне? – подумалось мне, – и что мне теперь делать? Это мне уж и играть с товарищами не придется!.. Не пошел я тогда, с горя, домой, а пошел в сад. В саду стоял омет соломы, а у соседа были цесарки. Заметил я по своим наблюдениям, что цесарки эти, взлетая на насест, долго на насесте не успокаиваются и

час, а иногда и более, кричат и цыкают, пока-то умолкнут и заснут... Придя в сад, разложил я на земле между кустами смородины и крыжовника все свои книги и, раскрыв их на тех страницах, где были отмечены карандашом мои уроки к завтрашнему дню, упал на колени и горько заплакал, подняв руки кверху, и со взором, потемневшим от слез, стал молиться Богородице: «Мать Божия, взгляни, что со мной делают учителя! Посмотри на мои книги – вот отметки карандашом, и все эти уроки я должен выучить к завтраму. Когда ж мне играть-то с товарищами? А не выучу, меня будут сечь розгами. Мать Божия, Тебе все возможно, – умоляю Тебя, умножь мне память и помоги мне избавиться от наказания. Я не сейчас пойду играть с товарищами; буду твердить уроки под ометом до тех пор, пока цесарки не сядут на нашест и не перестанут кричать, а тогда я закрою свои книжки и пойду к товарищам, в надежде на Твое, Преподобная, милосердие. Слышишь, Мать Божия? Выучу или не выучу я свои уроки, а уж как цесарки перестанут кричать, я уйду играть, а на утро Ты мне дай такую память, чтобы мне сказать свой урок без ошибки и чтобы не удалось учителям меня высечь. Помоги же мне, Преподобная Дево, Мать Господа моего Иисуса Христа в честь и славу имени Твоего. Вверяю я себя Тебе и, как сказал, так, надеясь на Тебя, и буду делать». Положил я три поклона Господу Иисусу Христу и Пречистой, закрыл по истечении назначенного срока свои книжки и ушел играть с товарищами. Они уже меня дожи-

дались и, увидев, закричали:

– Да где ж ты был, Федя? Мы заждались тебя... Во что играть?... Ну, давайте в крысы...

Наутро, к удивлению учителей, я отвечал все свои уроки без малейшей ошибки.

VIII

Старшему моему брату не легко давалось ученье, и он по ночам со свечкой засиживался над своими уроками, но при всем прилежании часто не мог ответить урока наизусть, за что и попадало ему от учителей. Сидел он однажды до полуночи, твердя свои уроки к следующему дню, а поутру не мог двух-трех строчек ответить перед учителем и священником, у которого мы жили.

Священник назвал его болваном и с угрозой сказал:

– Счастлив ты, что я иду служить Литургию, а то отпорол бы тебя розгами. А вот, постой, приду из церкви, и если ты у меня не выучишь урока, как следует, то я прикажу отпороть тебя, болван ты этакий!

Я сидел тут же, у другого стола и увидел, как у брата слезы закапали на стол, и стало мне жаль брата: за что же, – подумалось мне, – его сечь, когда он за уроками почти всю ночь напролет не спал? Пойду я в церковь, помолюсь за брата Царице Небесной, Она меня раз послушала. Бог даст, и на этот раз не оставит.

Церковь от школы была недалеко, — за княжеским садом: стоило только перелезть через невысокую ограду, и — там... Задумано — сделано! Я вышел из училища, попросившись выйти, а сам — через ограду да прямо в церковь. Боясь, чтобы меня не увидел священник, я отворил одну половину двери и осторожно заглянул в храм. В церкви только и было народу, что три старушки, заказавшие заупокойную обедню; священник и диакон были в алтаре, а дьячок в это время на клиросе пел: «Тебе поем. Тебе благословим. Тебе благодарим, Господи»...

Быстро проскользнул я в церковь — прямо на правую сторону придела, за колонну, и поглядел на иконостас... Взгляд мой упал на икону Божией Матери итальянской живописи с Предвечным Младенцем на руках. Как живые, Они смотрели на меня. Я пал перед святою иконою весь в слезах на колени и со всем усердием стал молиться Владычице:

— Матерь Божия Препоблагословенная! Я пришел просить Тебя за брата моего, Феодора: его священник обещал за леность высесть розгами, а он всю ночь не спал, твердя уроки. Матерь Божия, сотвори милость — смягчи сердце учителя, отврати от брата моего наказание. Ведь я верую, что ты родила Господа Иисуса Христа, Который за нас и наше спасение умер на Кресте и затем воскрес. Я знаю все заповеди, знаю «Верую» с начала до конца: смягчи же сердце учителя — мне жаль брата. Если уж нужно его посечь, то пусть лучше меня за него накажут: очень мне жаль брата. Дай, Матушка,

брату моему побольше памяти, чтобы он так же учился, как и прочие умные ученики. Матерь Божия! Если Ты мою молитву услышишь, я всегда буду прибегать к Тебе, а – нет, ни о чем Тебя просить не буду. А я этого не хочу: я хочу всегда прибегать к Тебе с молитвой!

С этими словами я поклонился в землю перед иконой, поцеловал Богородицыны ножки и опять повторил:

– Помоги, если можешь; а я знаю, что Ты можешь! А то я не буду уже больше просить Тебя ни о чем.

В это время запели «Достойно есть, яко воистину...», и я выбежал из храма. В школе старшие ученики меня спросили, куда я бегал и где так долго был; я отговорился расстройством желудка. Вскоре пришел из церкви и священник отец Иоанн. Я ждал с трепетом, что будет он говорить брату. Отец Иоанн подошел к нему и ласково-ласково ему сказал:

– Вот тебе в благословение Богоматери святая просфора! Благословил ею брата и отдал со словами:

– Тебе эта просфора от Божией Матери в благословение и улучшение твоего учения. Молись Ей: Она тебе поможет, и ты будешь учиться хорошо!

Можно себе представить, как поразили меня эти слова! Я заплакал и, выбежав стремглав из класса, пал ниц на землю и благодарил молитвенными слезами Матерь Божию за Ее великую и явную милость. С тех пор брат стал гораздо лучше учиться и даже обогнал многих своих товарищей.

IX

Этот случай, так меня поразивший, произошел уже на второй год нашего с братом учения в Зубриловской школе. Вскоре после этого княгиня с детьми стала собираться в Петербург, дети должны были перед отъездом ехать к князю, чтобы проститься. Княгиня велела им взять и нас с братом, чтобы повидаться с родителями, и с ними вместе вернуться в Зубриловку. Когда мы доехали до села Макарова, княжеские дети не прямо поехали к дому князя, а подъехали к квартире наших родителей и вместе с нами вошли в дом. Радостно удивились родители наши такой неожиданности. Подали чай, и за чаем княжата, улыбаясь, сказали нашей матери и бабушке:

— А знаете ли, для чего мы к вам приехали? Мама прислала предложить вам, не согласитесь ли вы своего младшего сына, Фединьку, отпустить с нами в Петербург, а там и за границу, во Францию, учиться вместе с нами?

Это предложение подтвердили и приехавшие с нами княжеские учителя... И, Боже мой, что тут поднялось! Как перепугались мать моя и бабушка! Чуть не со слезами отвечали они на это лестное предложение:

— Нет, нет, нет! Куда нам равняться с княжескими детьми!.. Да и к чему нам французский и немецкий языки! Выучили Священную историю и молитвы, да немножко

арифметики – более нам ничего и не нужно. Вот, детям княгини – другое дело, а нам – всяк сверчок знай свой шесток!

Учителя и княжата стали уверять, что расходов никаких не будет, что княгиня все берет на свой счет, что я вернусь к ним человеком ученым, помощником им и обеспеченным на всю жизнь, но мать и бабушка и слышать ничего не хотели, заплакали и объявили наотрез, что своего меньшего они ни за границу, ни в Петербург ни за что не отпустят.

– Будем молиться за княгиню и детей ее, – говорили они, – чтобы Господь умножил им Свои милости и лета жизни; пусть княгиня нам не вменит этого в вину – нам первое утешение видеть детей наших при нас: каждому свое дитя дорого.

Так велик был испуг и горе их, что княжата и не рады были, что разговор этот затеяли и, напившись наскоро чаю и заверив их, что княгиня на них не будет сердиться, они быстро собрались в обратный путь, а нам с братом велели садиться в экипаж вместе с ними. Любезно распростились они с матерью и бабушкой, мы с ними расцеловались и к вечеру уже были в Зубриловке. Дня через три княгиня с детьми выехала в Петербург. Перед отъездом мы получили от княжат в подарок их картузы и сюртучки, а впоследствии из Петербурга они мне прислали чудесный перочинный ножичек с пилочкой, вилочкой и иглой, а также пряников.

С тех пор я во всю свою жизнь больше их не видел.

Х

В 1835 году мы выехали из села Макарова в город Балашов, где мой родитель выстроил два дома: один – каменный, а второй – из вековых дубов, бывший господский дом, который родитель мой купил на снос. В этом доме поселился жить брат моей матери и наш благодетель, Фока Андреевич Скляров; здесь он и скончался, как добрый христианин, напутствованный Святыми Тайнами. В 1836 году родитель мой, оставивший было службу, вновь поступил на место подвального в городе Аткарск. Жизнь моя в течение 1835 года в Балашове осталась мне на всю жизнь памятной, потому что от брата своего двоюродного я научился такому греху, о котором стыдно и глаголати. Великою милостью Божиею я был спасен от этого греха, и вот каким образом. Уже по приезде в Аткарск, как-то раз, поутру рано, родители мои, бабушка и крестная мать пили чай, а мы – все дети и другие товарищи, у нас ночевавшие, спали на полу в соседней комнате. Дверь была открыта; я в это время проснулся и понеживался, и вдруг слышу разговор между родителями и крестною моею, Любовью Ивановною, и в разговоре этом часто повторяют мое имя. Я прислушался и слышу:

– Да, что-то из него будет? – говорила моя мать, – помните, что священник-то сказал?... Да, да! Ведь когда он родился, у нас уже был сын Феодор, а священник, давая мо-

литву новорожденному, подошел ко мне, — я лежала тогда на кровати, задернутой пологом, — да и говорит: «Желаю вам здравия; какое имя угодно вам дать новорожденному?» — «Дайте, говорю, — ему имя Николай». Стал молиться священник и, когда нужно было дать имя, он вдруг остановился и умолк. Долго он молчал и, наконец, произнес имя — Феодор. А я ему сказала, что у меня уже есть сын Феодор. Когда он окончил молитву, я ему это помянула, а он мне ответил: «Ничего, при крещении исправим»... Пришел день крестин, и вот что мне рассказывала Федина крестная: взял священник в руки ребенка, чтобы погрузить в купель, и только хотел произнести: «Крещается раб Божий, младенец...» — да на слове этом запнулся и молчит. Минут пять, показалось ей, он молчал так-то, и все молчали. Слышим — погрузил ребенка с именем Феодор. Очень мы были этим недовольны. Когда кончилось таинство, крестная, — а потом в доме и мы — приступили к священнику с выговором, а он нам на это ответил: «Я вам как священник скажу — ведь вы видели, что я стоял долго, не погружая младенца в купель. Я желал дать ему имя Николай, но вот, Бог свидетель, что я в ту минуту забыл все имена, кроме имени Феодор, и другого, при всем старании, произнести не мог — точно у меня кто связал язык. И хочу вам сказать, меня, быть может, и в живых не будет, а вы припомните тогда: будет младенец этот, когда вырастет, монахом».

Я лежал и, затаив дыхание, слушал этот разговор... Что

такое – монах? – размышлял я, – никогда такого имени не слышал я... Тем разговор обо мне и закончился, но врезался глубоко мне в память. Впоследствии я стал расспрашивать бабушку о том, что такое монах и какие вообще бывают монахи, и бабушка мне все разъяснила и рассказала о Киево-Печерских святых отцах и о нетленных их мощах, почивающих в Киевских пещерах. Яркое запечатлелся этот бабушкин рассказ в моей памяти, и я просил бабушку, чтобы она, когда будет в Киеве, купила мне книгу о киевских угодниках, что бабушка вскоре и исполнила, сходявши в Киев на богомолье. Помню я вечера с бабушкой по возвращении ее из Киева: зазовет она, бывало, меня к себе в комнату и заставляет читать ей вслух Патерик и, слушая, поясняет мне жития преподобных. С тех вечеров зародилось у меня горячее желание, рано или поздно, побывать в Киево-Печерской лавре и все там самому увидеть, – о чем пишут и о чем говорит бабушка. Тем временем пристрастие мое к греховному навыку, приобретенному от двоюродного брата, все усиливалось. И вот приснился мне страшный сон: вижу я, что будто умер, и мое тело лежит бездыханным; а сам я, будто, своей душою стою рядом, гляжу на свой труп и удивляюсь... И вдруг увидел я двух Ангелов – один как бы мой хранитель, и другой – как бы его начальник. Этот старший Ангел и говорит моему хранителю: «Что же ты стоишь?»

И Ангел мой как будто поднял меня на воздух и уже хотел лететь со мною кверху, на небо, но старший Ангел остановил

его и сказал:

– Куда ты хочешь лететь с ним? Ему не туда дорога, вон – его место! – и Ангел указал своим перстом вниз.

И когда я взглянул на указанное старшим Ангелом место, то увидел море огня пламенеющего, и в нем кишмя кишели многие тысячи людей. Такое это было страшное видение, что я и высказать не могу. Старший Ангел, указывая рукой, опять сказал: «Вон ему место!»

И когда я взглянул в том направлении, то увидел огонь синий и зеленый, и в этот-то огонь и бросил меня мой Ангел-хранитель... Боже мой! Сейчас содрогаюсь при этом воспоминании – такой, ни с чем несравнимый ужас и жгучую боль ощутил я тогда. А в огонь этот я был погружен всем телом и с головою. И я кричал от нестерпимой боли, а Ангел мой стоял и смотрел сверху на мое мучение. Тогда старший Ангел сказал ему: – Чего же ты еще ждешь? – И Ангел, который меня бросил в огонь, отвечал ему:

– Да жаль мне его – он обещает более не грешить!

Старший Ангел возразил:

– Да он не исполнит своего обещания...

Господи! Как же я кричал и плакал, и уверял, что больше грешить не буду!

– Ради Бога, – кричал я, – выньте меня из этого пламени!

Тут мой Ангел-хранитель взял меня за руку и вытащил. И когда меня вытащили из адского пламени, тогда старший Ангел спросил моего хранителя:

– А что, ты мне ручаешься за него?

В ответ мой хранитель спросил меня:

– Обещаешься ли не делать того греха?

– Не буду, не буду! – с неописуемым страхом вопил я.

Тогда мой Ангел-хранитель повернул меня к себе спиной и так меня толкнул своей рукой в затылок, что я, проснувшись, дня три ощущал боль в затылке.

Крик мой во сне был такой отчаянный, что разбудил всех домашних. Потом меня спрашивали, что со мной было, но я ответил, что ничего не помню. С той поры я отстал совершенно от постыдного моего греха; стал ходить с бабушкой каждый день к обедне, отказался есть мясное и обедал с бабушкой, потому что она скоромное не ела и готовила себе отдельно постную пищу. Родители меня бранили, находя, что я выдумки выдумываю, прихотничаю, обвиняли в этом и бабушку. А бабушка не была в этом повинна: это я уж очень своего сна испугался. Каждый вечер в ее комнате читал я бабушке Патерик, а она мне рассказывала о мощах, о церквах, о подвигах, и я тайно стал по ночам молиться Богу, спать на дровах... Заметила это как-то сестра моя, Екатерина, и рассказала матери и брату. Узнал от них о моих ночных подвигах и мой отец и начал выговаривать бабушке:

– Это вы, матушка, виноваты: сведете малого-то с ума... Вот отпороть тебя хорошенько, – сказал он, обращаясь ко мне, – и запретить тебе с бабушкой обедать!

Но тут уж маменька за меня заступилась и уговорила отца:

пусть-де себе подвижничают с бабушкой – ничего, мол, тут дурного нет. Будет постарше, и сам не согласится всегда есть один хлеб да пить одну воду: пусть их себе молятся...

Так и оставили нас с бабушкой в покое.

А во мне все настойчивее зрела мысль: как бы это мне побывать в Киеве.

XI

Из жизни нашей в городе Аткарске врезался особенно мне в память еще один эпизод, оставивший неизгладимый след на всю мою жизнь. Эпизод этот связан с посещением Аткарска преосвященным Иаковом, епископом Саратовским, впоследствии архиепископом Нижегородским. Объезжая епархию, он посетил Аткарск и служил в соборе Литургию. Муж он был высокоучительный и проповеди свои говорил народу всегда без тетради, экспромтом, отчего и не оставил по себе следа в церковно-проповеднической литературе. Народ любил преосвященного и с великим благоговением внимал его поучениям. Изумительна была простота и сердечность его речи, и так она шла близко к народному сердцу, так глубоко в него проникала, что даже я, в то время одиннадцатилетний мальчик, запечатлел в своей памяти во всех подробностях одну из таких его бесед, которую и хочу теперь записать в своих воспоминаниях.

Народ считал преосвященного святым. И вот святой этот

муж, совершив Литургию в Аткарском соборе, вышел в своей святительской мантии на амвон, оглядел добрым и проницательным взглядом предстоящих, заметил в их среде детей, в том числе и меня, и сказал:

– Дети! Подойдите ко мне поближе!..

Нас выступило вперед несколько человек, и впереди всех – я. Я стал прямо перед лицом владыки, и он, как бы ко мне обращая свое слово, начал говорить так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.